

Е. Ефимовский

Мемуары великих князей и родственников царской династии как памятник литературы русского зарубежья и памятник эпохи (Статья вторая)

В статье впервые рассматриваются как литературный памятник и исторический документ мемуары представителей династии Романовых и их родственников, оказавшихся в эмиграции. Раскрыты специфические черты каждого из них, выявлены основные мотивы: упование на Божественное провидение, скорбь изгнанников и пути выживания, сохранение культурной памяти и др. Автор специально отмечает, что несмотря на все отличия и специфику творчества каждого из августейших мемуаристов их объединяет талант и любовь к своей стране. Все воспоминания, кратко рассмотренные в данной статье, являются ценным историческим источником. Во второй статье рассмотрены мемуары великой княгини Марии Павловны-младшей, а также представителей второго поколения царственных изгнанников. Обзор завершается кратким анализом «Воспоминаний» Матильды Кшесинской (светлейшей княгини Романовской-Красинской). На примере изучения автобиографической прозы представителей династии Романовых раскрываются некоторые методологические аспекты мемуарного жанра: авторское сознание, соотношение индивидуального и коллективного, гендерные аспекты авторства, а также проблема национальной специфики литературы.

Ключевые слова: мемуарная проза, династия Романовых, религиозные мотивы, монархия, аристократизм, революция, ирония.

Для цитирования: Ефимовский Е. Мемуары великих князей и родственников царской династии как памятник литературы русского зарубежья и памятник эпохи (Статья вторая) // Art Logos (искусство слова). – 2024. – № 2. – С. 76–93. DOI: 10.35231/25419803_2024_2_76. EDN: DFFOBI

Изучение мемуаров как явления многогранного формирует целый ряд вопросов методологического характера. Автобиографическая проза людей известных делает исследовательские задачи более острыми, что положительно сказывается на читательском и научном интересе к ним. Прежде чем продолжить во второй статье (первую публикацию по теме см.: [7]) анализ воспоминаний представителей династии Романовых, вынужденных покинуть свою родину,

мы рассмотрим концептуальные моменты изучения мемуаров как жанра и определения их места в литературном процессе.

Данного рода произведения, пребывающие на грани классической историографии и художественного слова, объективности и субъективности, формируют особый исследовательский дискурс [2]. Итак, первое, на что нам хотелось бы обратить внимание, – это то, что к границе, разделяющей литературу и историю, интерес возник около тридцати лет назад. К этому сложному предмету подходили с обеих сторон дисциплинарной границы, иногда со стороны гуманитарных наук, иногда со стороны литературы [2–3]. Тем не менее вопрос остается открытым, поскольку является неразрешимой проблемой, так как рассказывание истории собственной жизни человеком известным (особенно представителем некогда правившей династии) ставит вопрос о верности действительности (или, наоборот, его удаленности от нее в угоду ностальгии или политическим взглядам).

Исчезновение великих марксистских и структуралистских парадигм, которые лежали в основе многих послевоенных работ, не только изменило социальную историю в 1990-е гг, но и вернуло исследовательское внимание к мемуарам. Развитие микроистории в то время, когда количественные исследования в определенной мере исчерпали себя, способствовало изучению документов, позволяющих найти каждую личность в турбулентности быстро меняющегося времени. Отсюда и большое стремление к междисциплинарности.

В то время как большинство древних документов занимает только историков, почти убежденных в своей монополии на свидетельства из прошлого, мемуары как сочинения личного характера интересуют специалистов разных дисциплин (литературоведов, лингвистов, антропологов, социологов), рассматривающих их в конкретных подходах каждой из наук.

Мемуары – это произведения, в которых фиксируются воспоминания, переживания и мысли человека за определенный период времени. Это личные истории, которые помогают лучше понять великую историю, общество и человеческие отношения. Характеристики жанра мемуаров включают личный, аутентичный, голос, глубокие размышления о прошлых событиях, внимание к деталям и знание исторического или социального

контекста. Мемуары могут иметь форму хронологического повествования, тематического анализа или их комбинацию.

Материалы и методы

Существует несколько типов мемуаров, в том числе детские, военные, путевые, политические и профессиональные мемуары [6]. Детские мемуары сосредоточены на воспоминаниях о детстве и юности, а военные мемуары [12] – на опыте войны и насилия. Мемуары о путешествиях документируют опыт путешествий и культурные наблюдения, а политические мемуары сосредоточены на политическом опыте и решениях, принятых лидерами [8]. Профессиональные мемуары сосредоточены на опыте и мыслях, связанных с работой или карьерой.

В большинстве случаев (не только в нашем) воспоминания – как мы видим по крайней зыбкости их родовых границ – не могут изучаться независимо от родственных им жанров – от истории до автобиографии. Воспоминания / мемуары – это повествовательная реконфигурация памятного из жизни, передается с целью служить познанию мотивов, которыми руководствуются люди, участвующие в истории. Данное определение подчеркивает причину устойчивого успеха мемуаров у читателей, находящихся в них историю с человеческим измерением, где события принимают человеческий характер, поскольку раскрываются мотивы и ответственность их действующих лиц. Если жанр мемуаров подчиняется нескольким ограниченным инвариантам, он достаточно пластичен, чтобы принимать разнообразие форм в зависимости от эпохи, особенно если это была эпоха судьбоносных потрясений, которую более века тому назад пережили авторы анализируемых текстов [7].

Свидетельства участников великой русской смуты, долгое время игнорировавшиеся историками несмотря на их обилие, теперь занимают центральное место в обновлении историографии 1910–1920 гг. Сочетание историографического обновления и (ре)литературизации Первой мировой войны и последовавшей за ней смуты побудило ряд историков и литературоведов пересмотреть сам статус мемуаров как источника и подчеркнуть их связь не только с войной, но и с литературой.

В данной статье мы рассмотрим мемуары Романовых, в которых описана не только их жизнь в России, но и исто-

рия спасения во время революции, а также сложный период эмигрантских скитаний. Изучение мемуаров раскрывает особенность их обнародования, необходимую для справедливого понимания жанра: в значительной степени посмертный характер этих текстов. Кажется, все происходит так, как будто они не предназначались для публикации, по крайней мере немедленно (исключение составили мемуары Марии Павловны Романовой, они вышли сразу же в 1931 г. [20–21]), а их состояние порой предполагает отсутствие публикации вообще (некоторые тексты представителей династии и их родственников не изданы до сих пор).

Если подавляющее большинство романовских мемуаров посмертные, то по простой причине: они написаны для себя или для близких, а их обнародование – это результат предательства опекунов или наследников. Эти размышления заставляют нас рассматривать мемуары великих князей и княгинь как специфические литературные объекты. Изначально это рукописи, в одном или нескольких экземплярах, рассылаемых конкретным получателям. Таким образом, в условиях вынужденной эмиграции было создано целое пространство для свободы слова без санкций. Венценосные мемуаристы могли высказываться, не опасаясь возможных репрессий со стороны тех, кого могло бы обидеть содержание их воспоминаний.

Первый необходимый шаг в изучении данных текстов – поместить их в общеевропейский исторический контекст. Естественно, мы должны быть осторожны, чтобы не наделить их общим содержанием эпохи и сохранить оригинальность личности каждого из авторов. Что касается эмигрантов первой волны и Романовых, в частности, исследователь должен узнать о религиозности авторов, их политических позициях, об образовании и культурной среде.

Семья – это тоже понятие, которым не следует пренебрегать: предки олицетворяют имя, которое необходимо прославить, потомки очень часто являются его получателями. Великая княгиня Мария Павловна через всю свою жизнь, полную неожиданных поворотов, пронесла большое чувство благоговения к своему роду и родине: «Это глубокое чувство привила мне моя семья, – писала она. – В своих великих деяниях и даже в своих ошибках все поколения Романовых ставили

интересы и славу России выше каких бы то ни было личных выгод. Ради нее они всегда были готовы всем пожертвовать, и они доказали это своей жизнью» [15, с. 436].

Эта информация позволит нам поместить эти тексты в контекст их написания (включая моменты микроистории – специфику семьи и рода и макроистории – событий, участником или свидетелем которых был каждый из мемуаристов), а также рассмотреть значение, которое имели эти страницы для их авторов.

Все эти положения не являются исчерпывающими, и анатомия оригинальных романовских мемуаров могла бы дать повод для многих других замечаний.

Результаты

Двоюродная сестра императоров Николая II и Кирилла I, великая княгиня Мария Павловна–младшая (1890–1958) оставила двухтомные «Воспоминания», посвятив их своей жизни в России и в изгнании [17; 20–21]. Мемуаристка была дочерью греческой принцессы Александры и великого князя Павла Александровича – младшего сына Александра III, двоюродной сестрой последнего российского императора. Воспитывалась с братом Дмитрием в семье московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича и его жены великой княгини Елизаветы Федоровны.

В эмиграции написала две мемуарные книги – «В России» и «В изгнании», впоследствии изданные под одной обложкой. Ее воспоминания вызвали много толков в среде русской эмиграции. Едва ли найдется много особ царской крови, которые, будучи выброшены в суровую повседневную жизнь, всякий раз находят какой-нибудь нетрадиционный выход: нестигаемость и находчивость Марии Павловны поистине уникальны. «Слова Марии Павловны доносятся из гущи страшных событий и увлекают читателя за собой до такой степени, что страшно перелистнуть страницу, – заражаешься этой неопределенностью будущего, хочешь вернуться к первым страницам – страницам пусть не слишком счастливого, но тихого и спокойного детства. Одновременно эти воспоминания являются взглядом со стороны, объективным, без слащавости, приторности и, что самое необычное в данном случае, ненависти к новым властям» [17, с. 5].

В первой части представлены воспоминания о детстве, когда молодая принцесса оказалась сиротой при живом родителе. После смерти матери, греческой принцессы, ее отец, женившийся без одобрения царствующих родственников, был вынужден покинуть страну. Мария Павловна вместе с братом Дмитрием осталась на попечении дяди, губернатора Москвы, великого князя Сергея Александровича. После убийства дяди в 1905 г. был заключен брак Марии Павловны со шведским принцем. Брак был неудачным, после развода сын Марии Павловны остался в Швеции. Завершает первую часть рассказа о напряженных днях для всех Романовых, ее втором браке и побеге на Запад через Украину.

Во второй части своих мемуаров Мария Павловна повествует об эмигрантских скитаниях, разводе со своим вторым мужем, князем Сергеем Путятиным, о сотрудничестве, а потом разрыве с Коко Шанель из-за того, что та присвоила себе достижения изгнанницы, об активной деятельности в качестве журналиста в США и Аргентине.

Мария Павловна начинает повествование с первых детских воспоминаний, и вместе с ней читатель попадает в мир, которого уже давно нет: быт и нравы Романовых, их характеры, их предпочтения, их воспитание, их увлечения, –любителям биографий, вероятно, это будет интересно. Что характерно, великая княгиня беспристрастно пишет об ошибках царя и царицы, но питает к ним жалость, как к людям и родственникам. В книге много рассуждений о семье и браке, что неудивительно, учитывая драматическую судьбу самой Марии Павловны в России. Это все вехи ее семейной биографии, они описаны с большой психологической глубиной.

В мемуарах много страниц уделено историческим событиям – Первой мировой войне, революции, гражданской войне, эмиграции, но, что удивительно, здесь нет политики как таковой – есть очень здравые и очень взвешенные размышления и выводы, которые проливают свет на причины и на понимание случившегося в Российской империи в начале XX века. Для многих именно книга Марии Павловны стала ответом на очень многие вопросы о «предшественниках» революции и террора.

Мария Павловна с высоты своего жизненного опыта строго и беспристрастно оценивает себя, но нигде не впадает в крити-

ку по отношению к другим людям. Думается, что это не только воспитание, но и внутренне чувство такта (к примеру, ее родственник великий князь Александр Михайлович, тоже написавший в изгнании мемуары, на критику не скупился).

Во время Первой мировой войны Мария Павловна работала обычной медсестрой в полевом лазарете, потом получила руководящую должность. Вот как она описала психологически трудную для себя роль руководителя в контексте традиционного дворцового воспитания:

Я была главной медсестрой. Это означало, что я должна была руководить двадцатью пятью женщинами, следить за тем, чтобы они хорошо выполняли свои обязанности, защищать их интересы, всячески заботиться о них. А я в своей жизни еще ни разу не отдавала распоряжений. Напротив, с детства меня учили подчинению и послушанию. Для меня было легко и вполне естественно выполнять распоряжения, но я не могла и не знала, как их отдавать. Меня воспитывали в духе подчинения, чтобы я всегда считала, что другие все знают лучше меня. Намеренно и по сложившемуся обычаю моя жизнь была заключена в такие тесные рамки, а моя личная инициатива до сих пор была так ограничена, что теперь, обретая какую-то власть, я не умела ею воспользоваться [15, с. 267].

Эти мемуары не только знакомят нас с историей России, но и обогащают знанием о людях и взаимоотношениях и написаны чудным, богатым, чистым языком [13].

Благодаря усердному труду, сочетанию аристократизма и демократизма и свойственной ей креативности русская принцесса реализовала свою «американскую мечту», достигнув успеха и на другом берегу Атлантики. Приведем фрагмент из её мемуаров: «Одним глазком увидев Чикаго, я села у вагонного окна и не отлипала от него всю дорогу на Запад. Отогнать меня могли только сумерки; я упивалась видами, и мне все было мало. Эти просторы будоражили; мои чувства стали просторнее. Я глубже дышала, меня пьянило чувство свободы, мне вспоминалась родина. Таким было мое первое впечатление от Америки...» [15, с. 401].

Великая княгиня, как и многие представители династии, отличалась глубокой искренней верою, много времени уделяла молитвам. Она отошла к Богу и своим предкам в 1958 г.

Сын от первого брака, шведский принц, проживавший в Западной Германии, распорядился поместить ее гроб в отдельный придел крипты в дворцовой церкви Майнау, рядом с прахом брата Дмитрия, по ее просьбе перенесенным сюда из Давоса.

Мемуары Марии Павловны, ставшие на Западе знаменитыми и переведенные на несколько языков, были изданы в России в 2003 г.

Следующий аспект нашей темы – это воспоминания представителей знати, присоединившихся к роду Романовых путем брака, поэтому мы продолжим наш обзор кратким анализом «Воспоминаний» Матильды Феликсовны Кшесинской (1872–1971), супруги великого князя Андрея Владимировича, польской шляхтянки, ставшей де факто русской великой княгиней [10]. Кшесинская была выдающейся балериной, которая выступала на сцене в конце XIX – начале XX века. Она известна не только как прима-балерина, но и как подруга юного Николая II. Жизнь этой женщины была сложной и яркой. Её история действительно стоит того, чтобы о ней узнали другие люди. Вспомним слова песни А. Вертинского «Маленькая балерина»: «И скажет мокрая подушка в тиши ночей, что я безмолвная игрушка больших детей». Матильда Кшесинская была такой «игрушкой» и всю жизнь хотела иметь семью, вернуть положение, но только в конце жизни она смогла подписать свои воспоминания как княгиня Мария Романовская-Красинская.

Из воспоминаний Кшесинской мы узнаем историю ее знакомства и близкой дружбы с наследником престола Николаем Александровичем. После его женитьбы балерина приняла покровительство великого князя Сергея Михайловича. Из-за особого положения в театре у Кшесинской было много врагов, завистников и недоброжелателей. Балерина несколько раз уходила из театра, но возвращалась на сцену: зрители продолжали её любить и восторгаться тридцатью двумя фуэте, покорившими даже Париж. Мемуаристка описывает свои отношения со многими известными людьми, не скрывает, что относилась к самой себе с любовью, а в тех случаях, когда нужно было отстоять свою честь, могла воспользоваться своими связями [19].

У Кшесинской, несомненно, были литературные способности. Есть несколько вставок, где ей явно помогал муж – в описа-

нии типов кораблей, например, – но лучшие страницы текста – те, которые написаны ею... Местами текст достигает уровня высокой художественной прозы, например, описание сна, где царская семья не может войти в помещение... Варварский захват дома в Петербурге описан с такими деталями, что остаётся ощущение, что большевики ограбили нас всех – не каждый писатель способен вызвать такое сопереживание у читателей.

Кшесинская на самом деле очень сдержана в своих воспоминаниях, учитывая масштаб личностей и событий, о которых она пишет, поэтому многое мемуарист не договаривает и на все смотрит со своей стороны, например, дает субъективную оценку многих ее современников (к примеру, другой великой балерины – Анны Павловой). Это не делает мемуары менее ценными, отчасти их можно даже считать историческим свидетельством.

Воспоминания этой легендарной балерины охватывают период с 1870-х до 1950-х гг. Кшесинская познакомилась с Чайковским в 1893 г., работала с Сергеем Дягилевым и Вацлавом Нижинским, с которым она была особенно дружна. Она была единственной прима-балериной, «звездой Российской империи», вела жизнь среди роскоши. Закулисные интриги, пересуды и сплетни Матильда Феликсовна мудро оставила за кадром, здесь только милые друзья, добрые знакомые и прекрасные отношения [19].

Ни одного недоброго слова не сказано в адрес конкуренток, более того, найдено для каждой теплое слово, восторженный комплимент, признание мастерства: «В моей жизни я видала и любовь, и ласку, и заботу, но видала я помимо горя и много зла. Если о чинимых мне кознях я и пишу, то не говорю о тех, кто мне их делал. Не хочу ни с кем сводить каких бы то ни было счетов, ни о ком не хочу говорить скверно. Но много, много хорошего скажу о тех, кто делал добро мне» [10, с. 387].

Кшесинская много работала, была и очень активна социально. Талант, трудолюбие, обаяние и эмоциональная щедрость – такое впечатление о Кшесинской складывается при прочтении её воспоминаний [19]. Она так видит мир и себя в нем. Не скупится на добрые слова и подарки, охотно принимает поклонение и подношения, любит, когда ее носят на руках и не скрывает этого под напускнутой скромностью. Использует связи,

чтобы добиться того, что она считает справедливым. Охотно признает талант других. Крепко стоит на ногах, не паникует, имеет твердый, почти мужской характер, но с удовольствием пользуется женским обаянием. А вот о грандиозных событиях эпохи Матильда Феликсовна упоминает как-то вскользь, через призму личных обстоятельств, с легкой аристократической иронией описывая физические тяготы скитаний после бегства из Петербурга. Она прекрасно понимала, что ей еще относительно повезло: осталась в живых и она, и ее сын, и отец ребенка, в то время как двое ее бывших возлюбленных (сам Николай II и великий князь Сергей Михайлович) приняли страшную смерть и стали святыми мучениками.

Пани Кшесинская была верующим человеком, она чтит Ченстоховскую икону Богородицы, святого Антония Падуанского, имела в душе непреложное упование на Промысел Божий. Вопросы греха и покаяния были ею решены во время исповедей у духовника, но не на этом она ставит акцент в своей книге: её мемуары наполнены светом от осознания присутствия Божьего и благоговением по отношению к Творцу [19]. Можно сказать, что ее биография является литературным достижением – здесь изложены и семейные предания знатного, но обедневшего рода Кшесинских, история её обучения, знакомств с разными людьми. Интересны страницы, посвященные заграничному балетному искусству. Кшесинская преподавала в Париже, где она наконец-то вновь создала свой дом, в котором прожила вплоть до своей смерти в 1971 г., в возрасте 99 лет. Она считалась одним из лучших педагогов в области балетного искусства. Её мемуары превосходят воспоминания любой балерины того периода из-за собственного им яркого изображения ушедшего века.

Определенный интерес представляют и мемуары второго поколения Романовых, практически выросших в эмиграции. Это воспоминания супружеской пары – великого князя Владимира Кирилловича (1917–1992) и великой княгини Леониды Георгиевны (1914–2010), изданные на русском языке в сокращённом виде (полная версия существует только во французском оригинале) под общим заголовком «Россия в нашем сердце» [14]. Сам Владимир Кириллович написал только часть текста, в основном мы имеем дело с повествованием его супруги,

дочери князя (царевича) Георгия Александровича Багратион-Мухранского (1884–1957) и польской аристократки Елены Сигизмундовны Новина-Злотницкой (1886–1979). Род автора мемуаров принадлежит к главной ветви царского дома Грузии.

Августейшая мемуаристка излагает историю своей семьи, счастливого детства в Тбилиси, которое омрачилось революцией и вынужденной эмиграцией. В октябре 1918 г. её дед, князь Александр Багратион-Мухранский, офицер российской армии, был расстрелян большевиками. Опасаясь за свою жизнь, члены семьи укрылись в Константинополе, затем провели восемь месяцев в Германии, прежде чем вновь вернуться в Тбилиси, в Советский Союз. В 1931 г., когда ситуация значительно ухудшилась, благодаря вмешательству и активному содействию Максима Горького, которого по дореволюционной жизни знала княгиня Елена Багратион-Мухранская, они смогли покинуть СССР и поселились в Испании, затем во Франции. Великая княгиня подробно описывает историю взаимоотношений своей семьи с А. М. Горьким и его роль в их спасении от ареста и казни.

Во Франции Леонида Георгиевна в ноябре 1934 г. вступила в брак с американцем Кирби. Брак продлился три года. С началом Второй мировой войны семья переехала в Испанию, где будущая мемуаристка познакомилась с вождем испанского народа генералом Ф. Франко, о котором у нее остались самые светлые воспоминания, и с принцем-изгнанником Владимиром Кирилловичем, ставшим главой Российского императорского дома после смерти своего отца в 1938 г. Их свадьба состоялась 13 августа 1948 г. в Лозанне. В браке родилась в 1953 г. дочь Мария. Наиболее трогательные страницы воспоминаний Леониды Георгиевны посвящены описанию путешествия в Иерусалим, где она вместе с супругом навестила свою родственницу, игумению Тамару (Багратион-Мухранскую, урождённую княжну крови Татьяну Константиновну Романову, дочь К. Р. – Е. Е.). Несмотря на войны и революции жизнь грузинской принцессы, ставшей русской великой княгиней, сложилась благополучно. Сама Леонида Георгиевна усматривала в этом Промысел Божий и покровительство своих канонизированных предков.

В рамках краткой статьи невозможно осветить все аспекты, связанные с мемуарным наследием Романовых и их родственников. Попробуем обозначить общие черты. Именно

в эмигрантский период раскрылся литературный талант Романовых, когда целью стало сохранение памяти об империи, об ушедшей жизни и служении своему народу.

Мемуары – это не только хранилище личных воспоминаний, но и литературная лаборатория. Жанровая гибридность этого «жанра памяти» по преимуществу сформировалась не только в результате слияния исторических жанров (хроники, жизнеописания, и т. д.) [1; 9]. Он также перенял черты художественных жанров, таких как роман, эпос, драма. Безусловно, романовские мемуары интересны и в жанровом отношении, каждое из рассмотренных нами произведений являет собою яркое проявление жанрового синтеза. А параллельно мы наблюдаем традиционную для словесности русского зарубежья (особенно, первой волны) тему любви и памяти, некоторую идеализацию прошлого и типичную для любых мемуаров субъективность (в данном случае, обусловленную положением и происхождением авторов) при его оценке [11].

Само по себе художественное поле памяти у Романовых разворачивается в связи с Первой мировой войной и смутой: опыт коллективного насилия побудил авторов массово свидетельствовать о пережитых и наблюдаемых фактах, предлагая тем самым личный контрапункт официальным дискурсам памяти. Позднее память становится более мирной и более ностальгической в многочисленных историях, описывающих социальную среду, политические круги, мир искусства и развлечений или литературное окружение [см.: 5].

Важной проблемой становится соотношение в авторском сознании индивидуального и коллективного (семейного). Общие мотивы тут обусловлены не взаимовлиянием авторов, а их происхождением из одной династии.

Рассмотрим этот момент подробнее. Все Романовы категорически не приняли СССР. Все они испытывали горе от утраты родины, но ни у кого не было злости и желания мстить стране, которая их отвергла. Объединяющим образом практически для всех венценосных изгнанников стала великая княгиня Елизавета Федоровна. Все единодушно свидетельствовали о её святости задолго до официальной канонизации. Общим мотивом является и глубочайшая скорбь по поводу убийства Николая II и его семьи при отсутствии их

идеализации и признании ошибок и слабостей. Различием является специфика личного опыта каждого из мемуаристов, свойства личности и темперамента, возрастные особенности, манера изложения: кто-то тяготеет к конспективному (император Кирилл и его сын), кто-то к более детальному описанию (великий князь Гавриил, Мария Павловна, Матильда Кшесинская), но всех их объединяет талант, любовь к своей стране. Все воспоминания, кратко рассмотренные в данной статье, являются ценным историческим источником.

Важно отметить и следующее. Все романовские мемуары стремятся по-новому представить исторические события, однако сама общая модель мемуарного жанра явно размывается. Традиция исчерпана и образует близкую к гибридному распространению структуру, сочетающую характеристики мемуаров с характеристиками родственных жанров, таких как воспоминания и автобиография, роман и свидетельство (это, прежде всего, отличает творчество Марии Павловны, Феликса Юсупова и Матильды Кшесинской). Умножаются явления мутации и слияния с жанрами, расположенными на границе воспоминаний, что является признаком ослабления канонической модели, но также и доказательством живучести воспоминаний и их большой пластичности.

Обсуждение и выводы

В связи с распространением в современной культурологии и антропологии гендерных исследований следует обращать внимание на гендерные аспекты. Это актуально при изучении мемуаров Марии Павловны, Матильды Кшесинской и князя Феликса Юсупова. Гендерные исследования уделяют большое внимание мужскому и женскому стилю [4; 16; 18].

Особо стоит отметить, что все романовские мемуары были написаны в Европе на французском и английском языках. При качественных переводах на русский это практически не ощущается (иногда проскальзывают неточности, например, путаница номинаций *княжна* и *княгиня*, что на европейских языках обозначается термином *princess*). Говорить о переводе – значит одновременно говорить о чужеродности, о территории и о границах: о лингвистической границе, самой непосредственно осязаемой, но также и о более тонких культурных границах.

Эти вопросы повлекут за собой другие. Что такое, например, «национальная» литература? Всегда ли ее специфика определяется языком написания, или все же менталитетом? Тогда к какой словесности следует относить романовские мемуары: к российской или европейской? Какое место следует отвести переводной литературе в национальной литературе в целом? Ответы будут сильно различаться в зависимости от присутствующих языков, соответствующих стран и их истории.

Следует обратить внимание и на историю этих переводов, чтобы как можно глубже понять природу синергии (или оппозиции), которую переводимые романовские мемуары поддерживают в диахронии и синхронии с «национальной» литературой.

Представляется необходимым определить по тексту точные причины написания и адресата мемуаров. Вполне закономерный вопрос: что могло побудить Романовых взяться за перо? Каковы были условия, когда это свершилось? Этот аспект часто игнорировался читателями и критиками, которые видели в мемуарах лишь собрание примеров, способных конкретизировать исследование более крупных массивов источников.

Эту информацию часто прямо предоставляют авторы, которые во многих случаях используют первые страницы рассказа для уточнения этих аспектов.

Принципиально важно обратить пристальное внимание и на субъективное жанровое содержание романовских мемуаров. Действительно, поскольку это письмо-оправдание, мемуаристы не всегда могли придерживаться фактов и, таким образом, выступать как историки своей страны. Умножение обещаний мемуаристов говорить только правду и гарантировать историческую достоверность повествования должно привести к тому, что историк удвоит свою подозрительность при подходе к этим произведениям. Именно этот аспект является основной причиной многолетнего нежелания историков изучать романовские мемуары, в которых изложение событий неизбежно было искажено личными чувствами и династической позицией авторов. Однако это не должно ограничивать анализ, скорее наоборот: именно по их автобиографической прозе мы можем понять менталитет, религиозность и многие другие элементы, которые привлекают филологов, историков и просто неравнодушных читателей.

Изучение этих текстов – увлекательное занятие. Они представляют собой почти неисчерпаемую коллекцию ресурсов для исследователя, который, читая их, оказывается в самом сердце жизни людей, которые сыграли выдающуюся роль в русской истории и эмиграции первой волны. Их мемуары полны страсти, упреков, любви со стороны их авторов, которые не предназначали свои сочинения для публикации, по крайней мере, при жизни, что позволяло им без страха выразить свои чувства. Таким образом, мемуаристы могли раскрыть себя и использовать критику, иногда в резкой форме, по отношению к СССР. Все эти элементы, смешанные с полной вовлеченностью авторов в историю Европы, вызывают любопытство читателя и удовольствие исследователя.

Список литературы

1. Ван Цзяо. Автобиография как литературное жанровое образование: природа, разновидности и современные модификации // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – 2019. – № 3 (180). – С. 49–53.
2. Галиуллина Д. М. Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли. // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2006. – № 4 (148). – С. 36–45.
3. Георгиева Н. Г. Мемуары как феномен культуры и исторический источник // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2012. – № 1. – С. 126–138.
4. Горецкая Е. М. Сравнительный контент-анализ мемуаров репрессированных: гендерный аспект // Историческая информатика. – 2022. – № 1 (39). – С. 108–127.
5. Гудованая Д. С. Императорский двор (по мемуарам и дневникам А. Ф. Тютчевой) // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2023. – № 11 (87). – С. 91–95.
6. Дамилова Н., Баатырбекова Э., Закирова Б. Жанровые особенности мемориальных произведений // Бюллетень науки и практики. – 2022. – Т. 8. – № 6. – С. 803–807.
7. Ефимовский Е. Мемуары великих князей и родственников царской династии как памятник литературы русского зарубежья и памятник эпохи (Статья первая) // Art Logos. – 2021. – № 2. – С. 79–91.
8. Журавлева Е. А. Самоидентификация автора в политических мемуарах // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2022. – № 2 (32). – С. 229–236.
9. Иванова Н. И. Видовая и внутривидовая классификация источников личного происхождения: проблемы источниковедческого анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2006. – № 3. – С. 105–110.
10. Кшесинская М. Ф. Воспоминания. – М.: АРТ, 1992. – 414 с.
11. Ма Жюе. Личность автора-повествователя в мемуарном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 9 (12). – С. 162–166.
12. Маркус А. М. Модель анализа военной мемуаристики как литературного феномена // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 1. – С. 243–247.
13. Никольский Е. В. До и после революции: школа выживания великой княгини Марии Павловны Романовой // Национальные коды европейской литературы в ди-ахроническом аспекте: античность – современность. – Н. Новгород, 2018. – С. 562–570.
14. [Романовы] Великий князь Владимир Кириллович, великая княгиня Леонида Георгиевна. Россия в нашем сердце. – СПб.: Лики России, 1995. – 160 с.

15. [Романова] Великая княгиня Мария Павловна. Воспоминания. – М.: Захаров, 2003. – 512 с.

16. Синова И. В. Самоидентификация женщин конца XIX – начала XX в.: анализ эго-документов // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. – 2022. – № 1 (6). – С. 164–210.

17. Хорватова Е. В. Мария Павловна. Драма великой княгини. – М., 2005. – 384 с.

18. Шевелева М. С. О гендерных исследованиях в лингвистике // *Инновационная наука*. – 2018. – № 3. – С. 54–56.

19. Шимоник Д. Образ революции в воспоминаниях Матильды Кшесинской // Эпоха «великих потрясений» в литературе, языке и культуре («Фетовские чтения») // *Материалы Международной научной конференции*. – Курск, 2018. – С. 13–23.

20. *A Princess in Exile by Marie, Grand Dushess of Russia*. – New York: The Voking Press 1931. – 306 p.

21. *Education of a Princess, a memoir by Marie, Grand Dushess of Russia*. – New York: Blue Ribbon Book, 1931. – 388 p.

Eugeny Efimovsky

Memoirs of Princes and Rrelatives of the Royal Dynasty as a Monument of the Literature of the Russian Diaspora and a Monument to the Era (Article Two)

The article first discusses how a literary monument and a historical document of the memoirs of the representatives of the Romanov dynasty and their relatives, was in exile. Revealed specific features of each of them, found the main reasons: reliance on Divine Providence, sorrow of exile and ways of survival, the preservation of cultural memory and the realization of the American dream and more. The author specifically notes that, despite all the differences and the specifics of creativity of each of the August memoirs, they are United by talent, love of country and all the memories are briefly discussed in this article are a valuable historical source. The second article examines the memoirs of Grand Duchess Maria Pavlovna as well as representatives of the second generation of royal exiles. The review ends with a brief analysis of the "Memoirs" by Matilda Kshesinskaya (Princess Romanovsky-Krasinsky). Using the example of studying the autobiographical prose of representatives of the Dynasty Romanovs, the author reveals some methodological aspects of the memoir genre: author's consciousness, the ratio of individual and collective gender ascetics, as well as the problem of national specificity of literature.

Key words: memoirs, prose, Romanov dynasty, religious motifs, monarchy, aristocracy, revolution, irony.

For citation: Efimovsky, E. (2024) *Memuary Velikih knyazej i rodstvennikov carskoj dinastii kak pamyatnik literatury russkogo zarubezh'ya i pamyatnik epohi (Stat'ya vtoraya) [Memoirs of Princes and Rrelatives of the Royal Dynasty as a Monument of the Literature of the Russian Diaspora and a Monument to the Era (Article Two)]*. *Art Logos - The Art of Word*. No. 2. Pp. 76–93. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2024_2_76. EDN: DFFOBI

References

1. Van, Czyao (2019) *Avtobiografiya kak literaturnoe zhanrovoe obrazovanie: priroda, raznovidnosti i sovremennye modifikacii [Autobiography as a literary genre formation: nature, varieties and modern modifications]*. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific notes of Petrozavodsk State University*. No. 3 (180). Pp. 49–53. (In Russian).

2. Galiullina, D. M. (2006) Problema izucheniya memuarov v otechestvennoj istoricheskoy mysli [The problem of studying memoirs in domestic historical thought]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Scientific notes of Kazan University. Series Humanities*. No. 4 (148). Pp. 36–45. (In Russian).

3. Georgieva, N. G. (2012) Memuary kak fenomen kul'tury i istoricheskij istochnik [Memoirs as a cultural phenomenon and historical source]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istorija Rossii – Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: History of Russia*. No. 1. Pp. 126–138. (In Russian).

4. Goreckaya, E. M. (2022) Sravnitel'nyj kontent-analiz memuarov repressirovannyh: gendernyj aspekt [Comparative content analysis of the memoirs of the repressed: gender aspect]. *Istoricheskaya informatika – Historical informatics*. No. 1 (39). Pp. 108–127. (In Russian).

5. Gudovanaya, D. S. (2023) Imperatorskij dvor (po memuarom i dnevnikam A. F. Tyutch- evoj) [The Imperial Court (according to the memoirs and diaries of A. F. Tyutcheva)]. *Skif. Voprosy studentcheskoj nauki – Scythian. Questions of student science*. No. 11 (87). Pp. 91–95. (In Russian).

6. Damilova, N., Baatyrbekova, E., Zakirova, B. (2022) Zhanrovye osobennosti memori- al'nyh proizvedenij [Genre features of memorial works]. *Byulleten' nauki i praktiki – Bulletin of Science and Practice*. Vol. 8. No. 6. Pp. 803–807. (In Russian).

7. Efimovskij, E. (2021) Memuary velikih knyazej i rodstvennikov carskoj dinastii kak pamyatnik literatury russkogo zarubezh'ya i pamyatnik epohi (Stat'ya pervaya) [Memoirs of the great princes and relatives of the royal dynasty as a monument of Russian literature abroad and a monument of the era (Article one)]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 79–91. (In Russian).

8. Zhuravleva, E. A. (2022) Samoidentifikacija avtora v politicheskikh memuarah [Self-iden- tification of the author in political memoirs]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istorija i filologija – Bulletin of the Udmurt University. Series History and Philology*. No. 2 (32). Pp. 229–236. (In Russian).

9. Ivanova, N. I. (2006) Vidovaya i vnutrividovaya klassifikacija istochnikov lichnogo proiskhozhdeniya: problemy istochnikovedcheskogo analiza [Species and intraspecific clas- sification of sources of personal origin: problems of source analysis]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istorija Rossii – Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: History of Russia*. No. 3. Pp. 105–110. (In Russian).

10. Kshesinskaya, M. F. (1992) *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow: ART Publ. (In Russian).

11. Ma, ZHue (2019) Lichnost' avtora-povestvovatelya v memuarom diskurse [The per- sonality of the author-narrator in memoir discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Questions of theory and practice*. No. 9 (12). Pp. 162–166. (In Russian).

12. Markus', A. M. (2011) Model' analiza voennoj memuaristiki kak literaturnogo fenom- ena [Model of analysis of military memoirs as a literary phenomenon]. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. No. 1. Pp. 243–247. (In Russian).

13. Nikol'skij, E. V. (2018) Do i posle revolyucii: shkola vyzhivaniya velikoj knyagini Marii Pavlovny Romanovoj [Before and after the revolution: the school of survival of Grand Duch- ess Maria Pavlovna Romanova]. *Nacional'nye kody evropejskoj literatury v diahronicheskom aspekte: antichnost' – sovremennost'* [National codes of European literature in a diachronic aspect: antiquity – modernity]. N. Novgorod. Pp. 562–570. (In Russian).

14. [Romanovy] Velikij knyaz' Vladimir Kirillovich, velikaya knyaginya Leonida Georgieva- na (1995) *Rossiya v nashem serdce* [Russia is in our heart]. St. Petersburg: Liki Rossii Publ. (In Russian).

15. [Romanova] Velikaya knyaginya Mariya Pavlovna (2003). *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Zaharov Publ. (In Russian).

16. Sinova, I. V. (2022) Samoidentifikacija zhenshchin konca XIX – nachala XX v.: analiz ego-dokumentov [Self-identification of women at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries: analysis of ego documents]. *Historia provinciae – zhurnal regional'noj istorii – Historia provinciae – journal of regional history*. No. 1 (6). Pp. 164–210. (In Russian).

17. Horvatova, E. V. (2005) *Mariya Pavlovna. Drama velikoj knyagini* [Maria Pavlovna. Drama of the Grand Duchess]. Moscow. (In Russian).

18. SHeveleva, M. S. (2018) O gendernyh issledovaniyah v lingvistike [On gender research in linguistics]. *Innovacionnaya nauka – Innovative science*. No. 3. Pp. 54–56. (In Russian).

19. SHimonik, D. (2018) Obraz revolyucii v vospominaniyah Matil'dy Kshesinskoj [The image of the revolution in the memoirs of Matilda Kshesinskaya] *Эпоха «velikih potryasenij» v literature, yazyke i kul'ture («Fetovskie chteniya»)* [The era of “great upheavals” in literature, language and culture (“Fetov’s readings”)]. Materials of the International Scientific Conference. Kursk. Pp. 13–23. (In Russian).

20. A Princess in Exile by Marie, Grand Dushess of Russia (1931). New York: The Voking Press.

21. Education of a Princess, a memoir by Marie, Grand Dushess of Russia (1931). New York: Blue Ribbon Book.

Об авторе

Ефимовский Евгений, независимый исследователь, доктор богословия (Хелм, Польшая Республика); e-mail: Eugenius-19@meta.ua; ORCID ID: 0000-0002-3585-4781

About the author

Efimovsky Eugeny, Independent Researcher, Doctor of Divinity (Helm, Poland); e-mail: Eugenius-19@meta.ua; ORCID ID: 0000-0002-3585-4781

дата получения: 23.02.2024 г.

дата принятия: 30.03.2024 г.

дата публикации: 28.06.2024 г.

date of receiving: 23 February 2024

date of acceptance: 30 March 2024

date of publication: 28 June 2024